

УДК 303.01

Н. С. Розов

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
www.nsu.ru/filf/rozov/ E-mail: nrozov@ngs.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ПРЕСТУПНОСТИ*

Глубинные мотивы нарушения границ

Преступность, подобно болезням, грехам, конфликтам и смерти, по всей видимости, всегда будет сопутствовать жизни человеческого рода. Сейчас уже никто всерьез не верит, что юрист – это вымирающая профессия. С точки зрения философской антропологии и социальной философии эта данность представляет собой большую и сложную проблему: какова субстанциональная природа преступности, в чем ее онтологические корни?

Авторы книги с красноречивым названием «Философия преступности» усматривают ответ в хайдеггеровской трансценденции как «пере-ступании» конечного человека через границы своего существования [Дубнов, Дубовцев, 1999].

Человеку свойственно преодолевать поставленные ему извне границы. Пожалуй, с таким тезисом можно согласиться, даже не ударяясь в экзистенциализм и хайдеггерианство. Следует только дополнить тезис несколькими уточнениями. Во-первых, людям также свойственно ставить (и другим, и себе) пределы и границы, во-вторых, есть немалое число людей, которым вполне комфортно в заданных пределах и несвойственно, даже противно какое-либо их нарушение. Стремление выйти за установленные пределы нужно связать не с метафизическими хайдеггеровскими свойствами *Dasein*, а с вполне естественными биосоциальными свойствами человеческой природы.

С одной стороны, людям в высокой степени свойствен (а у некоторых гипертрофирован) поисковый инстинкт, или попросту лю-

бопытство. Как и у животных, человеческое любопытство может быть бескорыстным, но чаще связано с поиском той или иной «наживы» (клад, золотая жила, богатая земля или научное открытие, сулящее славу и деньги).

С другой стороны, любые извне заданные границы, пределы и запреты являются выражением власти и иерархии, а людям (хоть и не всем) свойственно там, где возможно, избегать давления власти, или же, напротив, бороться за нее. С этой точки зрения любое «пере-ступание границ» – это не что иное, как символическое утверждение собственной свободы от внешней власти и утверждение собственной воли и достоинства, пусть даже неосознанное.

Иными словами, корень рассматриваемого свойства человеческой природы видится не за пределами метафизическим, а вполне естественным проявлением социобиологических качеств человека как «общественного животного».

Три источника преступлений

Имеет ли отношение так понятое пере-ступание-трансцендирование к преступлениям и преступности? Да. Но только тогда, когда речь идет об особых – правовых – ограничивающих поведение нормах. Эти нормы не порождаются индивидом, они всегда внешние, навязанные ему. В качестве субъекта этого навязывания может выступать род, вождь, правящая элита, знать, государство, общество.

Благодаря Дюркгейму мы знаем, что если нет правовых норм (запретов, за нарушение которых наказывают), то нет и преступ-

* Работа выполнена в рамках Комплексного интеграционного проекта СО РАН 2006 № 7.4 «Интеллектуальные трансформации: феномены и тренды».

лений. Преступления, особенно когда речь идет не о бытовых, а об уголовных преступных деяниях, иногда бывают «бескорыстными» (например, убийство из-за ревности или увечье в драке из-за нанесенного оскорбления). Самыми распространенными, однако, являются мотивы получения наживы, а также мотивы мести, утраченного, получения садистского или сексуального удовлетворения. Без анализа этих мотивов разговор о самом по себе «переступании» представляется не только чересчур абстрактным, но и уводящим от существа дела.

Наконец, как мы выяснили, за любыми правовыми нормами стоит незримый субъект (в настоящее время – общество или государство), понимаемый как источник норм и вершитель наказаний. Преступление непременно предполагает либо пренебрежение, либо протест против государства, его правоохранительных органов или против всего общества.

Эти три действительно фундаментальные особенности отделяют собственно преступления от абстрактно-метафизического «переступания границ».

Ловушки аксиологического анализа

Ценности и аксиология – захватывающая дух тема, соответствующие доводы могут казаться глубокими и впечатляющими, особенно когда ими припечатывают преступность и преступников как воплощенных антиценностей. Поскольку мы много лет занимались этой сложной тематикой [Розов, 1998], хочется призвать к осторожности и аккуратности в рассуждениях. Простота и глубокомысленная внушительность нередко бывают обманчивы.

По-видимому, происходит смешение близких, но не совпадающих аспектов. Ценности действительно являются предельными (наиболее глубокими или наиболее высокими – кому как нравится) нормативными основаниями человеческих суждений и действий [Там же. С. 111–136]. Но «быть основанием» не тождественно отношениям «быть причиной» и «быть сущностью». В поисках ценностных оснований преступной деятельности и преступного сознания мы никогда не найдем ни причин, ни сущностей этих явлений.

Дело еще в том, что сами ценности как предельные основания порождаются в услови-

ях рационального спора относительно норм и оценок (что считать благом? в чем правда? почему такой поступок праведен, а такой нет? и т. д.) Если соответствующих дискуссий не происходит, то людям незачем углубляться (возноситься) к предельным нормативным основаниям – ценностям. Вполне достаточными источниками действий и суждений остаются мотивы, потребности, установки, стереотипы. Похоже, что по этим причинам обсуждение аксиологических проблем в дискурсе о сущностях и причинах преступности вовсе не релевантно. Вот если бы идеологи современного терроризма согласились на интеллектуальную дискуссию, тогда другое дело – диспут непременно вывел бы на предельные основания («человеческая жизнь», «свобода совести», «истинная вера», «благочестие», «справедливость» и т. д.).

Возьмем такие ценности, как «человеческая жизнь» и «собственность». Судя по правовой защите (убийство карается более сурово, чем кража или грабеж) социальная значимость первой ценности наиболее высока, что вполне соответствует и общепринятым меркам. Однако трудно спорить с тем, что гораздо больше преступных умыслов направлены именно на чужую собственность, а вовсе не на чужую жизнь. Обычно наибольший интерес у преступников вызывают те ценные предметы, которые могут быть присвоены либо обменены на денежный эквивалент.

Интересное исключение составляет политический и религиозный терроризм. Разумеется, социальная значимость жизни и здоровья мирных граждан, которым сознательно наносят ущерб террористы, учитывается последними. Однако мотивация остается структурно схожей: здесь с помощью террора присваивается сила и влияние как в глазах ненавистного государства (своего или чужого), так и в глазах своих финансовых и идеологических спонсоров. Лучшим образом такое объяснение подтверждается случаями захвата заложников. Здесь количество заложников и реальность опасности их гибели террористы стремятся «конвертировать» в значимость самого деяния, своей группы, предъявляемых требований и идеологических лозунгов.

Вывод весьма поучителен. Ценность жизни значима, но причина террористической преступности, как оказалось, лежит вовсе

не в «аксиологическом нигилизме». Например, многие русские, ирландские, чеченские, арабские террористы были подвижниками, настоящими идейными борцами, не только убивавшими, но смело отдававшими свою жизнь за идеалы, веру, ценности. Причина терроризма – в сложившейся социальной структуре конфликта (будь то народовольцы и царизм в России, ирландский или чеченский сепаратизм, мусульманский контрудар против лидеров наступающей «безбожной и развращенной» цивилизации). Ценности имеют значение, но только в рамках структуры социального конфликта – корневой причины терроризма. Общее, что удалось выявить в терроризме и «обычной» уголовной преступности, – вовсе не «аксиологический нигилизм» и не жажда разрушать наиболее значимые социальные ценности, а стремление к присвоению материальных благ, престижа и влияния. Между прочим, вполне универсальные человеческие желания – мало кто от них свободен. Подтверждается наш прежний вывод о «нормальных» истоках преступности. Все дело, видимо, в том, в каких условиях и какие формы приобретают изначально общие человеческие стремления.

Преступление в зеркале классических и современных социальных теорий

В криминалистике и смежных социальных науках имеется достаточно широкий веер концепций, объясняющих преступность. Они могут быть поделены на консервативные и либеральные.

В концепциях первой группы не ставятся под сомнение закон, норма, право, а также государство, общество, социальная система или группы, устанавливающие и защищающие законы. С консервативной точки зрения, преступление – это нарушение устоев, которые священны уже потому, что традиционны или установлены властью, которая всегда легитимирует себя в той или иной традиции. Для консерваторов преступность – очевидное и безусловное зло либо выражение зла, направленного на умышленное разрушение священных устоев.

Напротив, либеральные концепции обычно избегают моралистических инвектив. Отнюдь не оправдывая преступников, либерально ориентированные авторы стараются

усмотреть причины их поведения в недостатках самой социальной системы либо в непреднамеренных или даже преднамеренных действиях государства и социальных групп. Любопытно, что марксистская трактовка преступности, долгое время служившая основой советской криминологической мысли, а в 1920-х гг. – даже пенитенциарной системы, явно относилась к либеральному типу. Действительно, если исконная причина преступности – пороки отживающего буржуазного общества, то возможна и необходима реабилитация преступников с помощью ударного социалистического труда, а по мере построения социализма преступность вообще должна была исчезнуть: «юрист – вымирающая профессия».

Затем маятник качнулся в противоположную сторону. Известный «обвинительный уклон» советского и постсоветского российского правосудия, а также строгости тюремного заключения, почти избавленные от прежних надежд на исправление, являют собой практическую сторону вполне консервативного взгляда: преступность – прямая угроза социалистическому государству, а теперь – национальной безопасности России. Более того, за фигурой преступника маячат либо происки империализма, либо вселенское зло, либо мировые центры силы, стремящиеся погубить Россию.

Соответственно, нынешние подходы борьбы с преступностью рассматриваются как слишком мягкие и неадекватные. Воздерживаясь от мировоззренческой дискуссии, хочется только обратить внимание на другое крыло – либеральные концепции преступности, поскольку именно в этом направлении в XX в. развивалась западная мысль (и продолжает развиваться сейчас, даже несмотря на рост террористических угроз).

В классических трудах Бонгера и Мертона развернута теория депривации, согласно которой состоятельные люди менее склонны к преступлениям, а бедные – более [Bonger, 1916; Merton, 1938]. Родственной является теория маргинальности [Hirschi, 1969]. Есть также концепция, согласно которой субкультура низших классов или даже средняя школа является источником и питательной средой преступности [Sutherland, Cressey, 1955; Cohen, 1955; Miller, 1958].

Весьма любопытной является концепция навешивания бирок (*labeling theory*, см.:

[Becker, 1963; Lemert, 1967]). Так, случайное попадание в полицию одного подростка из многих, совершивших схожие мелкие правонарушения, приводит к цепи практик и взаимодействий, формирующих настоящего преступника.

Наиболее радикальной является теория правового происхождения преступности из самого закона и создания новых правовых норм: запреты на потребление алкоголя, наркотиков, на азартные игры, гомосексуализм, проституцию, порнографию, аборт, частное предпринимательство, обмен валюты создают соответствующие и сопутствующие типы преступности [Black, 1970].

Рассмотрим необычную концепцию преступлений, развиваемую создателем «чистой социологии» Д. Блэком [Black, 1998]. Он предлагает фиксировать внимание не на нарушении нормы (установление которых варьирует и само зависит от многих факторов), а на социальном смысле преступления. Некоторые преступления оказываются просто формой экономического поведения, так преступное вымогательство денег структурно оказывается сходным с вполне законным, но не менее жестоким вымогательством со стороны землевладельца в средние века или современного врача. Другие преступления подходят под категорию социального контроля, которая всегда традиционно сопоставлялась с моралью и правом. Оказывается, множество преступлений совершаются с точки зрения преступников в качестве справедливого наказания за вину самой жертвы или тех, кого ей выпало несчастье представлять. «Есть аспект, в котором поведение, трактуемое как преступное, часто является чем-то совершенно противоположным. Будучи далеко не осознанным нарушением запрета, многие преступления являются моралистичными и совершаются во имя справедливости. Таковы способ разрешения конфликта, возможно, форма наказания, даже уголовного наказания. С точки зрения закона это самоуправство (*self-help*). В той мере, в которой преступное деяние определяет поведение кого-то другого – жертвы как неправомерное и соответственно отвечает на него, оно является социальным контролем» [Ibid. P. 27]. «Преступление часто выражает обиду, оскорбленность. Это означает, что многие преступления принадлежат тому же семейству, что и сплетни, насмеш-

ки, месть, наказание и само право. Это также означает, что в значительной степени мы можем предсказать и объяснить преступление с помощью социологической теории социального контроля, особенно теории самоуправления» [Ibid. P. 41].

Социальный контроль и самоуправство вполне могут быть совмещены с экономическими преступлениями. Обратимся к описанию талантливым петербургским социологом В. Волковым отношения российских рэкeters («бандитов») к коммерсантам в начале 1990-х гг.

«При встрече силовые партнеры дают гарантии от лица своих коммерсантов, так как слова последних недостаточно для гарантии осуществления постоянных отношений экономического обмена. Действительно, бизнесмены или коммерсанты часто попадали, особенно в ранний период развития предпринимательства, в ситуации невыполнимых обязательств, больших долгов или сталкивались с недобросовестным поведением контрагентов, и им приходилось обращаться к силовым партнерам, чтобы разрешить споры или вернуть деньги. Коммерсанты воспринимались бандитами как безответственные и бесхарактерные люди, не способные вызывать доверие, – настолько бесхарактерные и пугливые, что обирать их считалось почти что моральным долгом. Коммерсанты («барыги») воспринимались бандитами («реальными пацанами») как морально неполноценная группа постольку, поскольку они не могли себя защитить и боялись за свою жизнь. Бандиты же, наоборот, постоянно рисковали жизнью (или постоянно об этом заявляли); их жизнь была залогом, гарантировавшим сделки. Взаимные гарантии силовых партнеров работали постольку, поскольку их слово имело силу закона. Часто различие между вымогательством и предоставлением действительных услуг было весьма условным. Бандиты были заняты тем, что вменяли коммерсантам вину за что-либо, ставя их в позицию должников, а затем получали предполагаемые долги. Платежи или комиссионные, которые силовые партнеры получали за то, что они дополняли или даже подменяли взаимные обязательства экономических субъектов своими обязательствами, или за то, что заставляли коммерсантов выполнять свои обязательства, выступали в качестве денежного выра-

жения их (силовых партнеров) морального господства» [Волков, 2002. С. 134].

Как видим, здесь имеют место чувства превосходства, собственной правоты, справедливости поборов (социальный контроль), совмещенные с подменой государственного контроля за экономическими транзакциями (самоуправство) и рутинной экономической деятельностью (вымогательством).

Как представляется, такое осмысление существенно глубже, чем простая фиксация нарушения закона (нормы), и во многом адекватнее, чем метафизические и философско-антропологические фантазии на темы трансценденции как переступания.

Нормальность преступления в конфликтном обществе

Р. Коллинз в своей книге по «неочевидной социологии» посвящает данной теме особую главу, которую называет достаточно скандальным образом: «Нормальность преступления» [Коллинз, 2004].

Преступления разделяются Коллинзом на три основных типа.

«Преступления без жертв», когда нормы нарушают добровольно сами «жертвы» предполагаемого ущерба (пьянство, потребление наркотиков, проституция и т. д.). Показано, что такие преступления действительно интенсивно создаются «теми социальными силами, которые определяют их как преступные»: люди, которые становятся клейменными как преступники, обычно оказываются втянутыми в сети другой преступности в результате правоохранительных процессов» [Там же. С. 517].

Есть «преступления, совершаемые в порыве страсти, которые, как представляется, в гораздо большей степени происходят из чисто личностной природы» (увечья в драках, убийства из-за ревности, мести или обиды, изнасилования). Как выясняется, количество таких преступлений не особенно зависит от силы и даже наличия принудительного контроля. Интересным историческим свидетельством является случай Дании, в которой гитлеровская Германия в 1944 г. из боязни поддержки местными силами уже высадившихся союзников арестовала всю полицию и почти на год оставила страну без эффективного контроля за преступностью. Оказалось, что число убийств и сексуальных преступ-

лений осталось примерно на том же уровне. Зато в десять раз выросло число преступлений третьего типа.

Таковы преступления против собственности. Концепции «создания преступлений» и «навешивания бирок», как оказалось, не особенно хорошо работают для данного типа преступлений. Однако пресловутая «криминальная революция» касается именно преступлений против собственности. Есть ли в запасе у Коллинза нетривиальный подход для осмысления явлений такого рода?

Он отталкивается от своей излюбленной дюркгеймовской теории ритуалов и солидарности. «Если мы взглянем на систему криминального правосудия с точки зрения того, как сделать что-то, чтобы воспрепятствовать преступности, то увидим, что она неэффективна, даже абсурдна. В ней будет больше смысла, если мы осознаем, что все социальное давление ложится на драматизацию наказания и что это делается для того, чтобы убедить общество в целом в правомерности правил, а не обязательно для того, чтобы убедить преступника. Из этого следует даже более парадоксальное заключение. Общество нуждается в преступности, говорит Дюркгейм, если это необходимо для его выживания. Иначе правила не могли бы церемониально выполняться и пришли бы в общественном сознании в упадок. Моральные сантименты, которые возникают, когда члены общества чувствуют общее возмущение против какого-то ужасающего нарушения, больше не будут ими переживаться. Если общество слишком долго прожило без преступлений и наказаний, его собственные узы отомрут, и группы распадутся. По этой причине, объяснял Дюркгейм, общество будет заниматься «производством преступлений», если они уже не существуют в нем в достаточном объеме. Поэтому то, что считается сейчас преступлением, может значительно видоизмениться в зависимости от того, к какому типу общества этот социум относится» [Там же. С. 519–520].

Коллинз берет у Дюркгейма ключевой компонент: социальную потребность в преступлениях и ритуальном наказании преступлений, но отказывается от дюркгеймовского холизма – заинтересованным субъектом выступает отнюдь не все общество. Вместо этого Коллинз использует марксистскую тему социального неравенства и стратифи-

цированности. Именно высшие социальные классы, имеющие максимальную сплоченность и стремление сохранить свое доминирование, соответственно, постоянно оправдывать его, оказываются главными силами, заинтересованными в наличии преступности и в ритуальном наказании преступников. К Дюркгейму и Марксу добавляется еще и Вебер: несмотря на сплоченность высших классов перед лицом низших, все равно имеются конкурирующие и конфликтующие группы (прежде всего, политические партии в широком веберовском смысле), вынужденные отстаивать друг перед другом и перед будущими избирателями свою легитимность, в том числе как лидеров в борьбе против преступности. Крутой замес из идей классиков, которые в обычных учебниках социологии и политологии подаются как несовместимые парадигмы, дает плодотворный, необычный, но вполне реалистический взгляд.

«...Забота о наказании преступников – это лишь один из аспектов борьбы между группами. Это символическая форма политики» [Там же. С. 521]. Почему же политики так любят говорить о преступности? «Потому что сама идея преступности возбуждает многих людей, особенно если воображение работает у них таким образом, что они идентифицируют себя с жертвами преступлений. Газеты и масс-медиа вносят в это свою лепту яркими публикациями об отдельных преступлениях, которые вызывают наибольший «человеческий интерес» [...] Этот тип избирательной драматизации преступления и его наказания (сцена в зале суда) работает, подобно дюркгеймовскому ритуалу, на мобилизацию населения – и, между прочим, на то, чтобы оказать помощь определенным политикам, которых и выбирают благодаря их сильному лидерству в деле борьбы с преступностью» [Там же. С. 522].

Далее оказывается, что преступность «функциональна» не только с точки зрения политической борьбы, сплочения высших классов вокруг политиков и мобилизации населения, но также в более глубоком смысле – для поддержания самого социального неравенства.

«Беспокойство по поводу преступления узаконивает социальную иерархию. Общество, которое удерживается воедино с помощью ритуала наказания, – это стратифицированное общество. В этом смысле

преступность встроена в общую социальную структуру. Любые ресурсы, которые использует господствующая группа для контроля, будут иметь связанные с ними преступления» [Там же. С. 523].

Как видим, преступность в данной концепции также имеет весьма глубокие онтологические корни в самой сущности человеческой природы, но только уже не в абстрактном индивиде, как его трактует философская антропология, а в конфликтной и стратифицированной природе человеческого общества.

Макропричины роста преступности: усложняем модель

Следует отказаться от поиска монопричины в объяснении сложных социальных явлений. Ни ценности, ни экономика, ни политика, ни геополитика, ни этнический фактор, ни религия и культура, ни демография и миграции – ничто по отдельности не является перводвигателем, из которого можно объяснить все происходящее. Вместо этого имеются несколько взаимосвязанных, но имеющих автономные движущие силы динамических сфер [Sanderson, 1995; Snooks, 1996; Turner, 1996; Collins, 1999a; Розов, 1992, 2002].

Основные хорошо известны:

1. *Борьба за могущество, геополитические закономерности*, рост, возвышение и распад держав, создание и распад союзов, войны и их последствия, подготовка к войне через мобилизацию, социальные и институциональные новации [Мэхэн, 1941; Коллинз; 2000; Война..., 2003; Gilpin, 1981; Rasler, Thompson, 1994].

2. *Экономическая конкуренция, расширение и надстраивание рынков*, периодические кризисы как следствие исконной неустойчивости рынков, рост и крушение миросистемных иерархий, изменение места и роли разных стран в структурах миросистем, соответствующие изменения в национальных экономиках [Бродель, 1992; Валлерстайн, 2000; Black, 1998, Collins, 1999b; Fischer, 1996].

Изменчивые и разнонаправленные демографические тренды, давление перенаселенности в одних местах, устойчивый рост в других, депопуляция в третьих; миграции, вызванные также экономическими и геополитическими факторами; сложные этнические взаимодействия, переплетающиеся с со-

циально-экономическими и политическими [Подлазов, 2000; Нефедов, 2002; Davis, 1954; Cipolla, 1978; Boserup, 1981; Dumond, 1972; Turchin, 2003].

Политика как борьба за власть внутри обществ; тесные и меняющиеся связи политических групп с социально-экономическими и этническими слоями населения, с группами и структурами, обладающими средствами принуждения и насилия, использование в политической борьбе разнообразных социальных, моральных, религиозных, философских идей, в том числе ценностей [Weber, 1968; Fried, 1967; Tilly, 1978, 1984, 1990; Skocpol, 1994, Mann, 1987, 1993; Hannan, Carrol, 1981].

3. *Развитие, упадок или разрушение инфраструктуры и природной среды* (ландшафты, города, дороги, транспорт, связь, энергетика) как совокупное следствие и одновременно фактор подготовки к войне и военных разрушений, развития экономических производств и рынков, миграций, демографического роста или депопуляции, укрепления победившего политического режима, потребностей индивидов и групп [Simmons, 1989].

4. *Научный и технический прогресс*, также тесно и изменчиво связанный с остальными динамическими сферами [White, 1962; Daumas, 1969; Laudan, 1977; Boserup, 1981; Racey, 1990].

5. Культурное производство и потребление в широком смысле. Борьба за статус и престиж (в религии, философии, науке, литературе, искусстве, идеологии и т. д.). Тесная связь с престижностью экономического потребления и идеологической, культурной легитимацией политических групп и деятелей [Steward, 1949; Bourdieu, Passeron, 1977; Кребер, 1997; Коллинз, 2002; Розов, 1998].

6. Сложные и разнонаправленные изменения человеческих качеств. Образование, вера, политическая приверженность, предпочтения в труде и потреблении, законопослушность и готовность к нарушению законов. Примерно как инфраструктура для материальных процессов, меняющиеся качества людей являются одновременно следствием и фактором социально-антропных аспектов всех остальных динамических сфер. Действительно, дипломаты, офицеры и солдаты, купцы и менеджеры, крестьяне и рабочие, политики и чиновники, инженеры и ученые, священники, философы и писате-

ли – все ключевые участники упомянутых сфер порождены из определенного человеческого материала [Миронов, 1999].

Теперь помножим выделенные восемь сфер (список открыт, более пристальный взгляд выделит и другие) на социальные масштабы:

I. Ультрамикро- (непосредственное взаимодействие индивидов здесь и сейчас)

II. Микро- (индивиды)

III. Нижнее мезо- (семьи и малые группы)

IV. Среднее мезо- (большие группы, организации, поселения, локальные сети)

V. Верхнее мезо- (социальные слои и классы, города и провинции)

VI. Макро- (общества и культуры, национальные сети)

VII. Мега- (цивилизации, миросистемы, геополитические ойкумены, международные сети)

VIII. Глобальный уровень (человеческий род как целое, глобальные коммуникационные сети)

Формально получившиеся 64 сочетания, дополненные тысячами перекрестных связей и причинных воздействий, – вот концептуальная модель, хоть как-то отражающая уровень сложности текущих процессов. Попробуем интерпретировать на этой основе проблему причин криминализации.

Верно, что ценности (в широком смысле – как священные объекты, идеалы, способы ориентации, регуляции и контроля), будучи частью ментального снаряжения противоборствующих групп, оказывают многообразное влияние на социальную жизнь и историю в целом. Но совершенно неправомерно считать их единственными или даже главными причинными факторами. Каждая из указанных сфер имеет свою собственную динамику, в каждой некую роль играют ценности, но также и многое другое: сложившиеся балансы и дисбалансы, конъюнктура, конфликтное взаимодействие, материальные структуры технического, военного, экономического, географического характера, стереотипы и логика мышления участников, их количество, местоположение, возраст, пол и прочие характеристики.

Разумеется, все эти мириады связей и факторов учесть невозможно. Нужен некий средний путь: обозримая эскизная модель, допускающая дальнейшее развертывание.

Макростоки для криминального микровыбора

Рассмотрим, какие процессы и тренды в различных динамических сферах (1-8) и на каких социальных уровнях (I-VIII) могли способствовать установлению социальных обстоятельств, способствующих выбору криминального жизненного пути юноши из пригорода мегаполиса. Чтобы конкретизировать рассуждение уточним время и место: Россия начала 1990-х гг. – время расцвета рэкета, бригад, крыш и т. п.

Начальная весьма общая гипотеза такова: каждая сфера внесла свой вклад, причем ключевые динамические процессы могли идти на разных социальных уровнях (что-то в мире, что-то в стране, что-то в городах, что-то в семьях), а макропричинность (например, глобальная или микросистемная) должна непременно пройти через промежуточные уровни (страна, провинция, город, район, квартал, дом, семья), чтобы воплотиться в обстоятельства для микровыбора отдельного индивида.

1. Борьба за могущество между политическими системами и сверхдержавами, конечно же, сыграла роль. СССР не мог далее выдерживать гонку вооружений, проигрывал Афганскую войну, сказались ухудшение конъюнктуры мировых цен на нефть, обнаружился экономический дисбаланс, обесценились деньги, население стало испытывать товарный голод, стремительно падала легитимность политического режима и росли сепаратистские настроения в союзных республиках. Распад СССР и временный упадок российских государственных структур, в том числе силовых, привели к многообразным последствиям, о которых – ниже.

2. Постсоветская экономика, будучи вброшенной в гораздо более развитую рыночную мировую экономику, оказалась в целом неконкурентоспособной. Быстрого роста и экономического расцвета, соответствующего подъема жизненного уровня основной массы населения не произошло. Развивалась преимущественно торговля, но в условиях неготовности государственных структур (в том числе правоохранительных органов, судов) обеспечивать интересы новых собственников и нормальное течение рыночных процессов. Отсюда – резкое повышение спроса на безопасность и «силовое предприниматель-

ство» (возвращение долгов и проч.). Линии от макро- к микро- здесь провести несложно: заводы закрываются, а «бригады» множатся почти повсеместно. Это не что иное, как обусловленная макропричинами трансформация мезоструктуры – рынка труда, радикально меняющая возможности профессионального и жизненного уже на микроуровне.

3. Демографические факторы пока ярко не проявляются. Зато налицо миграционные потоки: с Кавказа и из российских умирающих сел молодые люди, не имеющие квалификации, но имеющие силовой опыт либо в армии, либо в Афганской войне, либо в подростковых бандах, едут в центральные российские города. Естественные этнические противостояния (обычно связанные с правами на данную территорию) только увеличивают агрессивность и ставку на силу.

4. Первоначальная победа либеральной группировки в постперестроечной России обусловила политику «минимизации» государства, неспособность и нежелание элиты заново отстраивать и укреплять силовые структуры (что было преодолено к концу века). Неспособность государства эффективно взимать налоги и неналаженный еще механизм взимания пошлин с экспорта сырья приводили к дефициту бюджета, соответственно, невыплате зарплат и низким ставкам в госструктурах, в том числе силовых. Все это увеличило отток людей из прежних сфер занятости в две растущие сферы: торговлю и обслуживающее ее «силовое предпринимательство» («крыши»).

5-6. Роль инерционных процессов изменения инфраструктуры и научно-технического прогресса не совсем понятна или пока отсутствует. Однако появившаяся мобильная связь и открывшийся импорт подержанных автомобилей очень быстро становится активом рэкетерских и бандитских «бригад». Важно, что «импортная тачка» и «мобила», – значимые знаки престижа и, соответственно, привлекательности рода занятий тех, кто таким «счастьем» обладает.

Устранение государственного и идеологического контроля над культурным производством и потреблением (следствие временной либеральной победы, см. п. 4) имело интересный побочный эффект. С идеологическим прессингом ушел и просветительский, культурегерский элемент советской культурной политики. Культурное производство, в

том числе кинофильмы, телепередачи, стало ориентироваться на рынок и реальный спрос постсоветских людей. Попса, «Аншлаг», фильмы про киллеров и бандитские разборки, нередко сочувственные («Брат», «Бригада», «Бумер» и пр.) – прямое следствие демократизации и маркетизации культурного производства при «реальном» спросе «реального» населения. Подчеркнем, что здесь проводится не обычная морализаторская нота («поругана культура», «ценности гибнут» и пр.), а объяснение сути и причинных факторов культурных трендов. Появление целой индустрии «русского шансона» – ответ культурного производства уже на спрос новой армии силовых, около- и полу- и «чисто-» криминальных элементов.

Наиболее сложным и малоисследованным является как раз вклад сферы изменения социально-антропных качеств. Слишком примитивными и узко идеологическими представляются обычные причитания о распаде советских ценностей, отсутствие новых или пагубность навязываемых собственных и эгоистических. В реальности нужно учитывать особенности разных типов советского и постсоветского человека (этим в Левада-Центре занимаются Л. Гудков, Б. Дубин и др. [Гудков, 2004]), их реакцию на перестройку и постперестроечную социально-политическую и собственную жизненную ситуацию, новую динамику семейных и родственных связей, механизмы формирования новых референтных групп, ритуальных практик и сакральных объектов. Во всем этом разнообразии находят свое место и (около)криминальные группировки.

Философия истории и пределы криминализации общества

В книге «Философия преступности» история видится как вековечная борьба сил Добра и Зла [Дубнов, Дубовцев, 1999]. Рост преступности представлен как прямое воплощение наступающего Зла. Причина этого наступления и слабость сил Добра объясняются отступничеством от нравственных и религиозных устоев – «аксиологическим нигилизмом». Впечатляющая мощь угрозы надвигающегося апокалипсиса подкрепляет неявный, но прозрачный призыв возвратиться к нравственно-религиозным устоям.

Вообще говоря, здесь мы видим впол-

не традиционную схему проповеди, которая служила каркасом и для историософских трудов христианской традиции, начиная с Августина Блаженного.

Возникает вопрос, а нужна ли вообще и есть ли адекватная философия истории для трезвого исследовательского, «сциентистского» подхода, в частности к сущности и причинам преступности? На наш взгляд, без предельно общих представлений о ходе, структуре и направленности истории не обойтись, когда речь идет о социальной макродинамике. Однако этот общий образ истории вовсе не обязательно должен включать апокалипсис или грядущее царство правды. Если уж опираться на классические мыслительные образцы, то наиболее адекватным, гибким и потенциально богатым представляется гераклитовский: «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим».

Пределы криминального роста

В приложении к нашей теме гераклитовская эвристика приводит к мысли, что никакой рост, в том числе и криминальный, не бывает бесконечным, а скорее всего остановится, либо упершись во внешнее или внутреннее препятствие, либо мешая самому себе, либо трансформируясь в нечто противоположное. Иными словами, криминальный рост – это не бесконечный тренд, ведущий к апокалипсису, тотальному кризису и переходу через глобальное ценностное очищение к новому миру и царству правды, как бы того ни желали проповедники, а тренд, имеющий естественные факторы торможения и, вероятно, перерождения выросшей преступности во что-либо иное. Самое интересное, что это весьма общее философское предположение находит прямые подтверждения как в теоретической, так и в эмпирической социологии преступности. Р. Коллинз пишет: «Очевидно, должна существовать какая-то точка, за пределами которой преступность окажется слишком большой. Иначе не останется никого, кто поддерживал бы закон, и общество развалится на части. Тем не менее этого обычно не происходит. Если мы заглянем в суть дела поглубже, то увидим, что причины кроются вовсе не в том, что подде-

рживающая закон сторона эффективно контролирует преступность, а скорее в том, что преступность имеет тенденцию ограничивать себя сама. Взгляните, что происходит, когда преступность становится все более эффективной. Отдельные воры уступают дорогу шайкам, а шайки – организованным криминальным синдикатам. Однако, заметьте, организованная преступность теперь становится сама по себе маленьким обществом. Она имеет свою собственную иерархию, свои собственные правила, она старается поддерживать исполнение этих правил своими членами. Организованная преступность стремится к регулируемости и нормальности. Она начинает обуздывать излишнее насилие и конкурентную борьбу. Чем более успешно идет этот процесс, тем больше он приближается к обычному бизнесу. В таком случае сама успешность преступности имеет тенденцию к тому, чтобы сделать ее законопослушной» [Коллинз, 2004. С. 524–525].

Описание В. Волковым процессов трансформации «крыш» в России конца 1990-х гг. в точности подтверждает теоретический тезис Р. Коллинза: «Возросший риск экономической деятельности вызывал встречное движение: большинство предприятий было вынуждено обзавестись силовыми партнерами. Одни хозяйствующие субъекты попадали под контроль ОПГ, другие покупали силовые ресурсы и связи частных охранных агентств, третьи «работали» с местными администрациями и, соответственно, пользовались услугами органов милиции. В результате образовывались своего рода кластеры, состоявшие из некоторой совокупности хозяйствующих субъектов или территорий, связанных с теми или иными силовыми (политическими) структурами. Для того чтобы между этими кластерами происходил стабильный экономический обмен, требовалось создание общего для всех, более или менее безопасного и предсказуемого пространства. На протяжении 1990-х гг. все эти разнородные силовые структуры, или «крыши», от чисто уголовных до тех, которые формально считались государственными, активно взаимодействовали друг с другом для реализации своих экономических проектов и разрешения возникавших проблем или конфликтов. При этом они вырабатывали некоторые общие правила, язык, а также стандартные методы решения проблем, которые в совокупности

составили первоначальную неформальную институциональную среду формирующихся рынков» [Волков, 2002. С. 276–277].

В данной работе философско-антропологическому и аксиологическому взгляду на природу преступности и причины ее современного роста был противопоставлен социально-философский и теоретико-социологический подход. Какой из них лучше помогает осмыслить и объяснить преступность – судить читателю.

Список литературы

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. Время мира. 680 с.

Валлерстайн И. Микросистемный анализ // Время мира: Альманах. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 105–123.

Война и геополитика // Время мира: Альманах. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 3. 570 с.

Волков В. Силовое предпринимательство. Европейский университет в Санкт-Петербурге. М., 2002. 282 с.

Гудков Л. Негативная идентичность. Новое литературное обозрение – ВЦИОМ-А. М., 2004. 811 с.

Дубнов А. П., Дубовцев В. А. Философия преступности. Проблемы криминализации российского общества. Екатеринбург: Изд. дом «Ява», 1999. 80 с.

Коллинз Р. Геополитика и долговременное историческое изменение // Время мира: Альманах. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 285–288.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 2002. 1280 с.

Коллинз Р. Социология интуиции. // П. Бергер, Б. Бергер, Р. Коллинз. Личностно-ориентированная социология. Академический проект. М., 2004. С. 491–527.

Кребер А. Стил и цивилизации. Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры. М.: Унив. книга, 1997.

Мионов Б. Н. Социальная история России: В 2 т. СПб., 1999.

Мэхэн А. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.; Л., 1941.

- Нефедов С. А.* О теории демографических циклов // Экон. история. 2002. № 8. С. 116–121.
- Подлазов А. В.* Теоретическая демография как основа математической истории. М.: ИПМ РАН, 2000.
- Розов Н. С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 215 с.
- Розов Н. С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. 292 с.
- Розов Н. С.* Философия и теория истории: Моногр. М.: Логос, 2002. Кн. 1: Прологемы. 655 с.
- Becker H.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. N. Y.: Free Press, 1963.
- Black D.* Production of Crime Rates // American Sociological Review. 1970. 35. P. 733–748.
- Black D.* The Social Structure of Right and Wrong. Academic Press. 1998. P. 27–46.
- Bonger W.* Criminality and Economic Conditions. Boston: Little Brown, 1916.
- Boserup E.* Population and Technological Change: A Study of Long-Term Trends. Chicago: Chicago Univ. press, 1981.
- Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reproduction: in Education, Society and Culture. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1977.
- Cipolla C. M.* The economic history of world population. Seventh ed. Success, UK: Harvester Press, 1978.
- Cohen A.* Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe: Free Press, 1955.
- Collins R.* Macrohistory. Essays in the Sociology of the Long Run. Stanford: Univ. Press, 1999a.
- Collins R.* Market Dynamics as the Engine of Historical Change // Collins R. Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run. Stanford: Univ. Press, 1999b. P. 177–208.
- Daumas M.* A History of Technology and Invention. N. Y.: Crown Publ., 1969. Vol. 1.
- Davis K.* The Demographic Basis of National Power // Freedom and Control in Modern Society / Eds. M. Berger, Th. Abel, Ch. Page. N. Y.: VanNostrand, 1954.
- Dumond D.* Population Growth and Political Centralization // B. Spooner (ed.) Population Growth: Anthropological Implications. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.
- Fischer D. H.* The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History. N. Y.; Oxford, 1996.
- Fried M.* The Evolution of Political Society. N. Y.: Random House, 1967.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. N. Y., 1981.
- Hannan M., Carrol G.* Dynamics of Formal Political Structure: An Event History Analysis // American sociological review. 1981. Vol. 46. P. 1935.
- Hirschi T.* Causes of Delinquency. Berkeley: Univ. Press, 1969.
- Laudan L.* Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley: Univ. Press, 1977.
- Lemert E.* The Concept of Secondary Deviation // Human Deviance, Social Problems, and Social Control. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. P. 40–64.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987; 1993. Vol. 1, 2.
- Merton R.* Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. 3. P. 672–682.
- Miller W.* Lower Class Culture as a Generating Milieu of Gang Delinquency // Journ. of Social Issues. 1958. 14. P. 5–19.
- Pacey A.* Technology in World Civilization: A Thousand Year History. Oxford: Blackwell, 1990.
- Rasler K., Thompson W.* The Great Powers and Global Struggle. Univ. Press of Kentucky, 1994.
- Sanderson S.* Social Transformations: A General Theory of Historical Development. Blackwell, 1995.
- Sutherland E., Cressey D.* Principles of Criminology. N. Y.: Lippincott, 1955.
- Simmons I.* Changing the Face of the Earth. Culture, Environment, History. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Snooks G.* The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. L.; N. Y.: Routledge, 1996.
- Steward J. H.* Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations // American Anthropologist. Vol. 51. 1949. P. 1–27.

Tilly C. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1984.

Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. DReading, Mass. Adison-Wesley, 1978.

Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2003.

Turner J. Macrodynamics: Toward a Theory on Organization of Human Populations. Rutgers Univ. Press, 1996.

Weber M. Economy and Society / Ed. by G. Roth, K. Wittich. N. Y.: Bedminster Press, 1968.

White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford: Oxford Univ. Press, 1962.

Материал поступил в редколлегию 16.01.2006